

*Моей семье. Эта книга поможет
вам понять, почему меня так
часто не было рядом.
Простите меня.*

Правосудие не может востор-
жествовать только для одной
стороны, оно должно свершить-
ся для обеих.

Элеонора Рузвельт

ОГЛАВ ЛЕНИЕ

Предварительное вскрытие	9
Глава 1. Начало	13
Глава 2. Уроки смерти	41
Глава 3. Место смерти	51
Глава 4. Оpozнание	94
Глава 5. Морг	127
Глава 6. Что произошло?	147
Глава 7. Самые скверные убийства	199
Глава 8. Суд и дознание	253
Глава 9. Специалисты	290
Глава 10. По ту сторону полицейских заграждений	326
Благодарности	329
Об авторе	331

ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВСКРЫТИЕ

«Виновен в убийстве», «Не виновен в убийстве, но виновен в непредумышленном убийстве», «Не виновен» и, как говорят в Шотландии, «Не доказано». Так заканчиваются процессы по делу об убийстве. Но как они начинаются и как мы добиваемся конечного результата? Что ж, я участвую в расследовании убийств и заявляю с характерным шотландским акцентом: я — судебный медик. Не то чтобы я всегда признавалась в этом. Раньше никто не знал, что это за профессия, но теперь, благодаря средствам массовой информации, все, кажется, думают, что мы — эксперты во всех областях судебной медицины. Спасибо сериалу «CSI»¹.

Фактически, немного сериалов могут похвастаться точным представлением нашей работы. Сериальный судебно-медицинский эксперт бывает отчасти патологоанатомом, отчасти полицейским, отчасти занимается судебной медициной. Поверьте, на экране все выглядит куда более захватывающе, чем в жизни.

¹ В русском прокате «CSI: Место преступления», американский телесериал, транслировавшийся в 2000–2015 годах. — *Прим. ред.*

Сериал «Таггерт»¹, вероятно, был наиболее точен в изображении этой профессии, поскольку там специалист не выходил из морга и по окончании вскрытия про падал из кадра. Стоит отметить, что хоть и частично, но создатели сериала действительно знали, как идет процесс раскрытия убийства. Однако даже они не воссоздали точной картины того, как это происходит в Шотландии: из-за требования закона о подтверждении всех относящихся к делу фактов расследовать каждое убийство должны два судебных патолога. Вероятно, из-за бюджетных проблем в сериале был изображен только один — стереотипный бородатый мужчина средних лет.

Единственным судебным медиком, который мог бы считаться образцом своей профессии, был Джон — или, как его обычно звали, Джек — Харбисон, профессор судебной медицины и государственный патолог Ирландии. На любой судебно-медицинской конференции он играл роль выдающегося «мальчика с обложки» для своей профессии. Дабы соблюсти юридические тонкости, при съемке сцен в морге в «Таггерте» использовали пару резиновых сапог, подразумевая наличие второго судебного патолога — без дополнительных затрат. Только в 2001 году в сериал ввели женщину — судебного медика, примерно через 16 лет после того, как первая женщина — судебный медик стала работать в Глазго. И это несмотря на то, что я много лет была консультантом этого сериала.

В 1996 году появился сериал «Безмолвный свидетель», где ведущую роль играла именно женщина-судмедэксперт, что отражало растущее число женщин, занятых в данной области. Но ее роль пришлось усилить,

¹ Шотландский детективный сериал, транслировавшийся в 1983–2010 годах. — *Прим. ред.*


ПРЕДВАРИТЕЛЬНОЕ ВСКРЫТИЕ

и внезапно судмедэксперт стал ключевой фигурой в расследовании убийства, а не просто одним из закулисных персонажей. Теперь доктор Сэм Райан появлялась на допросе свидетелей — как будто бы полиция разрешала судебному медику заниматься подобным.

С тех пор в обществе возникло некоторое непонимание: что все-таки судебные патологи делают? Ответ прост: мы проводим аутопсию¹, чтобы установить причину смерти, даже если порой эта причина кажется очевидной, и благодаря этому можем определить, стала ли смерть результатом убийства.

Вся система расследования смертельных случаев была создана для того, чтобы не упускать из виду смерти в результате убийства, однако сейчас ее роль разрослась: система помогает следить за здоровьем населения. Основная роль судмедэкспертов, впрочем, остается прежней: установить, было совершено убийство или нет.

/// Когда люди узнают, что я работаю судебным ме-
/// диком, обычно я слышу вопрос: «Как и зачем
/// ты решила им стать?», а дальше: «Какое дело
/// было самым чудовищным?».



Вопрос «как» обычно задают школьники или студенты медицинского факультета, которые интересуются судебной экспертизой, не обязательно патологической анатомией, — им любопытно, легко ли попасть в мир криминалистов. Краткий ответ — не просто. Вопросом «зачем» задаются мои коллеги. В Глазго считалось, что я, наверное, не слишком хороша для того, чтобы быть больничным патологоанатомом (это не так, я даже ста-

¹ Аутопсия — вскрытие (англ.) — Прим. ред.

МЭРИ КЭССИДИ

ла членом Королевской коллегии патологов с первой попытки), но в Ирландии все немного по-другому: «Ты что, из ума выжила? Могла бы зарабатывать вдвое больше и не оставаться вечно на связи в ожидании вызова, не работала бы по ночам и в выходные». Справедливо, однако для меня эта профессия не про деньги, хотя это и не дает моим работодателям права наживать на моем добродушии.

Что касается вопроса о том, какое дело было самым чудовищным, — обычно его задают либо мальчишкостуденты переходного года¹, либо будущие психопаты. Обычно я уклоняюсь от ответа, потому что потом, как пить дать, чья-нибудь мама позвонит мне с обвинениями в том, что я травмировала этим рассказом ее сына, или история во всех деталях появится на развороте газеты «The Sun» (такое уже случалось). Эта книга — моя попытка ответить на вопросы более подробно. А именно — провести читателя за ленту полицейского заграждения в реальный мир судебной экспертизы, не такой, как показано в сериале «Медэксперт Куинси»² (если вы мои ровесники) или «Место преступления» и «Безмолвный свидетель» (для тех, кто помладше). Я расскажу об истоках судебной медицины, ее современном применении, а также поделюсь своими иногда захватывающими, иногда душераздирающими приключениями, случившимися за более чем 30 лет.

¹ Переходный год — это необязательная одногодичная школьная программа, которую можно пройти через год после получения аттестата в Ирландии. — *Прим. пер.*

² Американский телесериал, транслировавшийся в 1976–1983 годах. — *Прим. ред.*

ГЛАВА 1

НАЧАЛО


Летом 2000 года самолет, на борту которого была я, приземлился в Сьерра-Леоне¹. По стандартам ООН, путешествие через Гвинею прошло без особых происшествий. Меня вместе с Робертом МакНилом, старшим специалистом, заведующим моргом в больнице Western Infirmary в Глазго, сотрудники ООН доставили в отель на берегу города Фритаун, столицы Сьерра-Леоне. Отель отдала ООН под штаб-квартиру в 1999 году, когда организация взяла на себя роль миротворца после гражданской войны, бушевавшей с начала 1990-х.

Там мы встретились с остальными членами команды. Наша миссия заключалась в том, чтобы вернуть тела небольшой группы солдат ООН, убитых в разгаре конфликта. Мы должны были установить личности погибших и определить причину смерти. Нам сказали, что попасть на место преступления может быть затруднительно, но также заверили, что все разрешится в течение одного-двух дней. Я выступала в качестве судмедэксперта и отвечала за определение причины смерти, Роберт же отвечал за оборудование. Я прилетела из Ирландии, он — из

¹ Государство в Западной Африке. В 1990-х годах в стране произошел внутренний вооруженный конфликт. — *Прим. ред.*

Глазго, но мы работали вместе с 1980-х, а потому были хорошими друзьями. Вскоре к нам присоединилась Сью Блэк, судебный антрополог из крупного и успешного университета в Данди. С ней мы уже работали над несколькими делами, когда я еще жила в Глазго. Она отвечала за опознание тел.

Еще с нами был судебный рентгенолог Марк Винер, эксперты-криминалисты, в том числе фотограф, дактилоскопист и сотрудник, ответственный за хранение вещественных доказательств, — все они прибыли из Англии, чтобы присутствовать при извлечении тел, записи и съемке места преступления. За нашу безопасность в Сьерра-Леоне отвечали нигерийская и индийская армии.

/// Траншея, в которой лежали тела, находилась
 /// в тылу врага, отсюда и сложности с попада-
 /// нием на место преступления. Мы надеялись,
 /// что армия ООН сможет отбросить мятежников
 /// и удержать их, чтобы дать нам время достать
 /// тела.
 /// 

Внезапно я поняла, что мой муж, возможно, был прав, когда раздражался из-за моего безрассудного отношения к собственной безопасности и к тому, как это может повлиять на всю нашу семью, если что-то пойдет не так. Британское правительство запретило Сью выходить из отеля, пока они не убедятся в ее безопасности, но, казалось, никто не беспокоился обо мне, Роберте и Марке — мы ожидали сообщения, что вражеская армия отброшена и появилось небольшое временное окно, чтобы попасть к телам и вернуться обратно.

НАЧАЛО

Следующим утром нас забрали, посадили в вертолет и повезли в джунгли. Нигерийский командующий допросил нас, сказал, что нам необходимо двигаться, как только получим сигнал, и не поднимать головы: европейцы были легкой мишенью. На джипе мы заехали глубже в заросли. Казалось, там мы просидели несколько часов, пока не узнали, что мятежники отброшены, однако армия ООН не могла предугадать, сколько им удастся сдерживать вражеский натиск. Мы пробежали к окопу, не поднимая голов. В конце концов там мы проработали небольшое количество времени, раскопали тела и задокументировали все находки. Первая фаза прошла успешно, без происшествий.

Потом нас передали индийской армии — мы были приглашены на обед, — а затем мы вновь запрыгнули в джип и вернулись к своим.

Лагерь индийцев располагался недалеко от вражеской линии. Нам казалось, еду будут подавать в жестянках, однако мы не поверили своим глазам: посреди джунглей на поляне раскинулась невероятная палатка, походившая на миниатюрный Тадж-Махал.

Нам предложили горячую воду, чтобы умыться; я попробовала лучшую индийскую еду в своей жизни, а вино подавали в настоящих бокалах.

Мы вернулись в отель, чтобы сообщить коллегам последние новости и назначить вскрытие на следующий день. К счастью, местный судмедэксперт согласился предоставить нам свой морг. На следующее утро мы вновь отправились во Фритаун, на этот раз в больницу. Несмотря на очевидную бедность и тот факт, что многие местные жили в хижинах, по большей части люди казались вполне счастливыми: дети ходили в школьной форме, в ослепительно-белых рубашках и носках. Свидетельства войны были повсюду: многие мужчины носили ужасные